

PARADIGMATICAL ORGANIZATION OF WORD-FORMATION CATEGORY WITH THE ASSOCIATED MEANING OF "QUANTITY" IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Olga Vladimirovna SHEVTSOVA

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ С СОПУТСТВУЮЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «КОЛИЧЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ольга Владимировна ШЕВЦОВА

Кандидат филологических наук, доцент

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

ZAMONAVIY RUS TILIDA "MIQDOR" MA'NOSIGA EGA SO'Z YASALISH KATEGORIYASINING PARADIGMATIK TUZILISHI

Olga Vladimirovna SHEVTSOVA

Filologiya fanlari nomzodi, dotsent

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Toshkent, O'zbekiston shevczova-1968@list.ru

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):

Шевцова О.В. Парадигматическая организация словообразовательной категории с сопутствующим значением «количество» в современном русском языке, // O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2025. — 11-jild, № 1. — B. 82-100.

<https://doi.org/10.36078/1742364188>

Received: December 21, 2024

Accepted: February 17, 2025

Published: February 20, 2025

Copyright © 2025 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article describes the paradigmatic structure of word-formation categories with the concomitant meaning "quantity". R.S. Manucharyan's classification scheme is used as the most complete reflection of the ratio of producing and derived words, the type of opposition, and the specifics of the word-formation meaning. In addition, the functioning of derived words (derivatives) with the accompanying "quantity" scheme is considered. The aim of the study is a paradigmatic description of the very organization of word-formation categories with the accompanying meaning "quantity", including linguistic interpretations of the conceptual category of quantity by word-formation means in modern Russian through their syntagmatic (textual) implementations. A derived word is considered as a means of continuous production and reproduction of lexical units expressing certain types of word-formation meanings in colloquial speech and written texts, as well as the word in general, realizing its authentic, real properties. As a result, there is a constant interaction of word-formation meaning with other components of the lexical meaning of the word and text, as a result of which the semantics of the derived word is characterized by mobility and variability. The unit of analysis at the paradigmatic level is the word formation category, and at the syntagmatic level is the microtext, that is, a section of text in which the complex semantics of a derived word is revealed with sufficient completeness, including word-formation meanings, connotations, semantic and word-formation agreement, and less often

misalignment. It is significant to study the various functions of derived words in texts, in real situations of communication, and the pragmatic use of the system of organization of word-formation meanings, as well as to identify the role of quantitative semes in the organization of the meaningful aspect of Russian word formation.

Keywords: the meaning of singularity / "quantum", the meaning of immaturity, derivative word, word-formation category of immaturity, "carrier of the trait", "abstract non-procedural trait", "abstract procedural feature".

Аннотация. В статье рассматривается описание парадигматического устройства словообразовательных категорий с сопутствующим значением «количество», причём применяется классификационная схема Р. С. Манучаряна как наиболее полно отражающая соотношение производящих и производных слов, тип оппозиции, специфику словообразовательного значения. Кроме того, рассматривается функционирование производных слов (дериватов) с сопутствующей семой «количество». Целью данной работы является парадигматическое описание как самой организации словообразовательных категорий с сопутствующим значением «количество», включая языковые интерпретации понятийной категории количества словообразовательными средствами в современном русском языке посредством их синтагматических (текстовых) реализаций. Производное слово рассматривается как средство постоянного производства и воспроизводства лексических единиц, выражающих те или иные типы словообразовательные значения, в разговорной речи и письменных текстах, как и слово вообще, реализуя свои подлинные, реальные свойства. Вследствие этого происходит постоянное взаимодействие словообразовательного значения с другими компонентами лексического значения слова и текста, в результате чего семантика производного слова характеризуется подвижностью, изменчивостью. Единицей анализа на парадигматическом уровне является словообразовательная категория, а на синтагматическом уровне — микротекст, то есть такой отрезок текста, в котором с достаточной полнотой выявляется комплексная семантика производного слова, включая и словообразовательные значения, коннотации, семантическое и словообразовательное согласование и реже рассогласование. Значимым представляется изучение разнообразных функций производных слов в текстах, в реальных ситуациях общения и прагматического использования системы организации словообразовательных значений, а также выявление роли количественных сем в организации содержательного аспекта русского словообразования.

Ключевые слова: значение единичности / «квантовости»; значение невзрослости; производное слово; словообразовательные категории невзрослости; «носитель признака»; «отвлечённый непроцессуальный признак»; «отвлечённый процессуальный признак»; словообразовательное значение.

Annotatsiya. Maqolada “miqdor” qo’shimcha ma’nosiga ega bo’lgan so’z yasalish kategoriyalarining paradigmatic tuzilishi tavsiflanadi. Bu jarayonda R. S. Manucharyanning tasnifiy sxemasidan foydalaniladi, chunki u hosil qiluvchi va hosila so’zlarning o’zaro nisbatini, oppozitsiya turini hamda so’z yasalish ma’nosining o’ziga xos xususiyatlarini to’liq aks ettiradi. Shuningdek, “miqdor” semasiga ega hosila so’zlarning (derivativlarning) funksional jihatlari ham

o'rganiladi. Maqolaning maqsadi "miqdor" qo'shimcha ma'nosiga ega bo'lgan so'z yasalish kategoriyalarining paradigmatic tavsifini berish, shu jumladan, zamonaviy rus tilida so'z yasalish vositalari orqali miqdor tushunchasining lingvistik talqinini sintagmatik (matndagi) realizatsiyalari orqali tahlil qilishdan iborat. Hosila so'z yangi leksik birliklarning doimiy ravishda hosil qilinishi va qayta hosil bo'lishining vositasi sifatida qaraladi. Bu jarayon og'zaki nutq va yozma matnlarda so'zning o'zining haqiqiy xususiyatlarini namoyon etishi bilan bog'liq. Natijada so'z yasalish ma'nosi doimiy ravishda boshqa leksik-semantik komponentlar bilan o'zaro ta'sirga kirishadi va hosila so'z semantikasi o'zgaruvchanlik va harakatchanlik xususiyatiga ega bo'ladi. Tahlil birligi sifatida paradigmatic darajada so'z yasalish kategoriyasi, sintagmatik darajada esa mikro-matn – ya'ni hosila so'zning kompleks semantikasini yetarli darajada aniqlash imkonini beruvchi matn bo'lagi o'rganiladi. Mikro-matn ichida so'z yasalish ma'nolari, konnotatsiyalar, semantik va so'z yasalish muvofiqligi hamda kamdan-kam hollarda nomuvofiqlik o'z aksini topadi. Hosila so'zlarning matnlar, real kommunikativ holatlar va so'z yasalish tizimining pragmatik qo'llanilishi doirasida turli funksiyalarini tadqiq etish muhim ahamiyatga ega. Shuningdek, miqdor semalarining rus tili so'z yasalish tizimining mazmuniy jihatini shakllantirishdagi roli aniqlanadi.

Kalit so'zlar: Yagona bo'lish ma'nosi / "kvantovost"; voyaga yetmaganlik ma'nosi; hosila so'z; voyaga yetmaganlikning so'z yasalish toifalari; "belgi tashuvchisi"; "mavhum nojarayoniy belgi"; "mavhum jarayoniy belgi"; so'z yasalish ma'nosi.

Введение

На протяжении целого ряда веков люди постоянно стремились разгадать и понять тайну количества, и в частности тайну множества и тайну числа.

Ещё во времена античности Аристотель рассматривал количество среди десяти важнейших категорий мышления, благодаря чему количество попало и в систему понятий формальной логики и рассматривалось как одно из основных свойств логического суждения.

К тому же число, счёт, измерение, сравнение объёмов и размеров являются естественными элементами повседневной будничной интеллектуально-практической деятельности человека.

Однако при описании количества логика и математика сознательно отвлекаются от ситуативности, конкретности количественных выражений, хотя в реальной практике человека количество, качество, связь, свойство, отношение и другие категории не только актуализируются одновременно, но и, кроме того, взаимодействуют друг с другом.

Именно поэтому для понимания сущности количества (как и сущности других категорий) очень важны сведения так называемых эмпирических наук, среди которых одно из центральных мест занимает лингвистика.

К тому же категория количества — это сложно организованная подсистема в семантической системе языка.

Несмотря на все предпринятые попытки, лингвистам пока так и не удалось прийти к единству как относительно внутреннего строения этой подсистемы, так и относительно её объёма и границ. В качестве отдельных функциональных классов языковой категории количества обычно рассматривают:

- а) числовые выражения (лексические, типа *один, два, сорок, сто* или морфологические — аффиксы грамматического числа),
- б) фреквентивные выражения (типа *много, мало, капельку, чуть-чуть*),
- в) параметрические выражения (типа *литр, метр, контейнер, пакет*) и
- г) кванторные выражения (типа *каждый, некоторые, никогда*).

Поэтому до сих пор остаётся нерешённым ряд серьёзных теоретических и практических проблем описания этого типа количественной семантики в естественном языке. Так, пока не выработаны строгие критерии семантической классификации внутри макрокатегории количества, чётко не определены границы между отдельными её подклассами.

Основная часть

Пристальное внимание к проблематике словообразовательной категории свидетельствует о значимости данной комплексной единицы языковой системы и вместе с тем подтверждает факт недостаточной разработанности связанных с ней теоретических и практических аспектов дериватологии.

Этим обусловлено появление в самом начале XXI века целой серии ряда диссертаций, собственно объектом которых являются конкретные СК:

«суффиксальных вещественных имён существительных» [Борисова 2000], «суффиксальных локативных существительных» [Белякова 2008а], «имён существительных со значением единичности» [Трубицына 2006], «названий орудий труда» [Толстова 2006], «суффиксальных отглагольных абстрактных имён существительных со значением "состояние человека"» [Громакова 2008], «модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имён существительных» [Кудрявцева 2008]; это также, по терминологии автора, семантико-словообразовательная категория "становление/приобретение признака"» [Кузнецова 2004]. Кроме того, существует опыт установления системы СК имени прилагательного, выявленных в псковских говорах [Белова 2005].

Необходимо отметить, что выделение всех СК осуществлено в рамках наиболее распространённой их классификации (категории транспозиционные, мутационные, модификационные), базирующейся на учёте типа СЗ и разработанной М. Докулилом изначально по отношению к более широким, *ономасиологическим* категориям (см. [Докулил 1962; Ревзина 1969: 29–49]).

Причём это деление, по утверждению Е. С. Кубряковой, «вошло в фундамент теории словообразования», служа при этом «чисто

описательным целям — предложить удобные схемы для инвентаризации словообразовательных категорий и рационального распределения материала по соответствующим рубрикам» [Кубрякова 2006: 3].

В настоящее время базовым направлением изучения категориальности в словообразовании, без сомнений, остаётся *ономасиологическое*, поскольку именно оно снабжает дериватологов-исследователей методикой выделения и описания словообразовательных категорий, в том числе универсальных и специфических для конкретного языка. Кроме того, без семантико-структурных описаний *ономасиологического* характера невозможно развитие ни одного из направлений исследования в данной области лингвистики.

К тому же давняя дискуссия по поводу объёма понятия СК (ср. обоснование широкого его понимания Д. Митевым [Митев 2002, 14–15] и суженную интерпретацию этого понятия отражено в исследованиях, в частности Г. В. Беляковой [Белякова 2008а, 74]).

Необходимо отметить, что при разного рода исследовании категориальной словообразовательной семантики необходимо придерживаться подхода к языковому значению как «формальному понятию». Раскрывая суть данного подхода, Л. М. Васильев утверждает, что «значение — это, действительно, форма (а точнее — модель), которая накладывается как мерка на более богатое содержание, выделяя, высвечивая в нём те существенные для познания и коммуникации признаки (свойства и отношения), по которым мы узнаём и отделяем одно обозначаемое от другого: один класс предметов от другого класса, одну типовую ситуацию от другой и т. д. Значит, значение не только отражает, но и моделирует обозначаемое, очерчивает общие его контуры, указывает на характерные его признаки» [Васильев 2012: 186–187].

Таким образом, каждая языковая категория (грамматическая, словообразовательная, лексико-семантическая) моделирует внеязыковую реальность особыми, характерными только для неё приёмами и средствами, которые обусловлены природой и характером значения этой категории.

К тому же в языкознании существуют следующие трактовки СЗ:

— «разностная» (СЗ как типовая семантическая разность производного и производящего слов),

— «суммативная» (СЗ как повторяющаяся сумма значений производящей основы со значением форманта) и

— *комбинаторная* (СЗ как результат взаимодействия категориальных значений компонентов словообразовательной модели) (см. [Кубрякова 2009: 82–99]).

Понимание сущности языковой семантики, а именно СЗ как особого типа семантических отношений между исходным словом и дериватом, обнаруживается и при *ономасиологическом* подходе к производным словам.

Так, Е. С. Кубрякова, осуществившая в целой серии работ глубокое системное осмысление словообразовательной семантики в

ономасиологическом ракурсе, указывает на способность производного слова к одновременному отражению семантических признаков исходного и результативного класса слов: словообразовательные значения «начинаются на уровне соположения по крайней мере двух общекатегориальных значений, на уровне установления связи между ними» [Кубрякова 2010: 78].

Сама *ономасиологическая* концепция СЗ восходит к идее М. Докулила о типовом характере семантических отношений между исходными и результирующими единицами деривации, которые легли в основу организации словообразовательной системы.

Так, М. Докулилом установлены (изначально в связи с описанием более широких, *ономасиологических* категорий) основные типы таких отношений: транспозиционный, мутационный и модификационный [Докулил 1962].

Идея подобного разграничения типов СЗ получила широкое признание, составив определённый каркас наиболее известной в современной лингвистике деривационно-семантической типологии СК.

Одной из самых спорных проблем теории словообразовательной категориальности является вопрос о включении в деривационно-семантическую типологию смешанных словообразовательных категорий. Так, И. С. Улухановым производные такого рода систематизированы и разнесены по комбинациям значений в следующие рубрики:

— совмещение модификационного и мутационного значений (например, 'невзрослое существо' и 'кто-либо, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным': Октябрь — *октябрёнок*);

— совмещение транспозиционного значения с различными модификационными значениями (например, значение опредмеченного действия и значение 'большая интенсивность': *грабёж, скулёж, толчея, суетня*);

— совмещение транспозиционного и мутационных значений (например, значение 'опредмеченное действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным': шпион — *шпионаж*, враг — *вражда*, клоун — *клоунада*, эксперт — *экспертиза*);

— теоретически возможное, но редко реализуемое сочетание всех трёх типов (в слове *картёж* (прост.) суффикс совмещает транспозиционное ('опредмеченное действие'), мутационное ('действие с использованием того, что названо мотивирующим существительным') и модификационное ('интенсивность') значения (см. [Улуханов 2008]). К тому же, в числе причин совмещения значений И. С. Улуханов указывает неполноту словообразовательных цепочек: например, отсутствие слова с чисто трансформационным значением в цепочках существительных (ср.: *хитрить* — *хитреца* на фоне полной цепочки *хрипеть* — *хрипота* — *хрипотца*) [Улуханов 2008: 163].

В данной статье при описании парадигматического устройства словообразовательной категории (СК) применяется

классификационная схема Р. С. Манучаряна [см. Манучарян 1987, 56–57] как наиболее полно отражающая соотношение производящих и производных слов (ПС), тип оппозиции, специфику словообразовательного значения (СЗ).

В данной классификации выделяются следующие параметры:

1. По отношению к частеречной характеристике ПС — СК, отождествляющие ряды производных одной части речи или разных частей речи, основанные на инвариантных значениях.

2. По отношению к частеречной характеристике производящих — СК, объединяющие ряды производных с общностью типового СЗ, и СК, основанные на общности межтипологического СЗ.

3. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных — транспозиционные (транспонирующие) СК и нетранспозиционные СК.

4. По характеру семантического соотношения между производными и производящими — мутационные, транспозиционные и модификационные (в понимании М. Докулила).

5. По характеру семантического соотношения между самими СК автор считает необходимым различать оппозиции эквиполентного, привативного и градуального характера, отмечая в то же время, что «тесная корреляция, принимающая характер оппозиций этих типов, охватывает лишь часть словообразовательных категорий, что отражает относительную системность словообразования» [Манучарян 1987, 57].

С нашей точки зрения, по основным типам оппозиций противопоставлены производящие и производные, и это противопоставление охватывает все СК, демонстрируя системность словообразования, от которого во многом зависит системность лексики.

Особое место среди производных с сопутствующим значением «количество» занимают производные слова со значением невзрослости, объединяемые в отдельную СК.

Данная СК включает ряд суффиксальных и два суффиксально-префиксальных типа.

Как высокопродуктивный характеризуется суффиксальный тип с формантом *-онок / -чонок* и базовыми производящими — одушевлёнными существительными, названиями животных и лиц (*зверёнок, слонёнок, волчонок, мышонок; внучонок, казачонок, турчонок, поварёнок, попёнок, цыганёнок*) [Русская грамматика 1980, I: 204].

Само словообразовательное значение в «Русской грамматике» формулируется как детскость, невзрослость, а значение ПС, образованных от личных существительных, формулируется как «ребёнок — представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980, I: 204].

Однако образования типа *москвичонок, нахалёнок, коммуниёнок* показывают, что дериват со значением невзрослости может быть

образован от любого личного существительного, в чём и состоит *обобщающая* функция словообразовательной категории.

Продуктивность в разговорной речи проявляет суффиксальный тип с формантом -ёныш / -оныш (*гадёныш, зверёныш, змеёныш, утёныш, ужоныш*); единичными являются образования с другими суффиксами (*барчук, саранчук, птенец*).

Идея незрелости подчёркивается в образованиях от названий представителей младшего поколения: внук — *внучонок*, дети — *детёныш*.

К данной СК можно также отнести суффиксально-префиксальные производные *подпасок, подлисок, подсвинок, подмастерье, недопёсок*.

По принятым параметрам классификации данная СК незрелости /детскости/ может быть охарактеризована следующим образом:

1. По отношению к частеречной характеристике ПС — это СК, отождествляющая ряды производных одной части речи.
2. По отношению к частеречной характеристике производящих — это СК, объединяющая ряды производных с общностью типового СЗ.
3. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных — это СК нетранспозиционного характера.
4. По характеру семантического соотношения между производными и производящими — это СК модификационного типа, так как исходное лексическое значение производящего (личное существительное или зооним) не подвергается идиоматичной трансформации, а видоизменяется путём добавления семантического признака «незрелость».
5. Данная СК основана на привативной оппозиции, так как дериваты являются семантически и стилистически маркированными и характеризуются ограниченной сочетаемостью по сравнению с производящими.

Общая характеристика СК «незрелость» совпадает в основных чертах с набором признаков СК с базовым значением «количество», что предопределяется как общим модификационным характером этих СК, так и сопряжённостью семантики незрелости с количественной характеристикой.

Закономерно, что незрелое существо в языковом сознании отмечено как предмет меньших размеров по сравнению со взрослой особью или целым классом.

Это представление, а также противоположная ситуация (незрелое существо превосходит размером взрослое) широко отражается в функционировании ПС со значением незрелости.

Производные данной СК, подобно существительным со значением единичности и собирательности, активно участвуют в формировании ЛГР существительных, а именно конкретных одушевлённых существительных.

При употреблении ПС со значением незрелости по «прямому назначению» для обозначения незрелого существа часто

наблюдается взаимодействие данной СК с СК субъективной оценки, причём это взаимодействие может быть как внутрисловным, так и междусловным, одноденотатным и разнотенотатным, например:

Вот-вот *цыплятки* должны вылупиться (РР);

Породистый, шельма ... *Котёночка* у вас от него нельзя достать? (А. П. Чехов);

Этот *солдатик* не захотел Мите подарить *волчонка* (А. П. Чехов);

А налево этак у хлева *жёлтенький телёнок* стоит и *хвостикой* мух пугает (М. Зощенко).

Репрезентация производных с суффиксами незрелости в качестве СК позволяет рассматривать их как своеобразные супплетивные производные лексемы *жеребёнок*, *кутёнок*, *поросёнок*, *телёнок*, *цыплёнок*, *щенок* [о супплетивном словообразовании см. Апресян 1972: 29–36].

Окказиональное образование в тексте параллельных с данными лексемами однокоренных производных обычно имеет целью употребление этих производных для отрицательной характеристики лица, например:

Ты куда шапку девал, *свинёнок*? (А. П. Чехов);

Что же ты делаешь, *псёнок*? (РР);

Постоянно дерутся как собачата (РР).

Такие образования лишены экспрессии ласки, характерной для именования ребёнка через зоонимы (*котёнок*, *цыплёнок*, *верблюжонок*, *медвежонок* и т. д.).

На наш взгляд, взаимодействие СК незрелости и субъективной оценки проявляется через уменьшительные типа *мужичонок* (мужичонка), *старушонка*, *собачонка*, *лошадёнка*, *бородёнка*, *душонка*, *деньжонки* (*деньжата*), в которых омонимия или внешнее сходство суффиксов подкрепляется коннотациями подлинной или мнимой незначительности, неполноценности. Это подтверждается формой множественного числа *деньжата* (наряду с *деньжонки*), характерной для ПС со значением незрелости, а также некоторых фитонимов (*маслята*, *опята*).

Наряду со стилистически нейтральным обозначением человеческого детёныша — *ребёнок* — используются и экспрессивно окрашенные производные, например: В соседней комнате плачет *детёныш* приехавшего погостить родственника (А. П. Чехов);

Вскоре княжна Тараканова родила в каземате орловского выродка. А сама она вскоре умерла ... и *ребятёнок* тоже, кажется, умер (М. Зощенко).

На периферии данной СК, очевидно, можно рассматривать такие производные, как *малютка*, *малышка*.

Производные зоонимы могут использоваться для характеристики (как правило, отрицательной) и взрослых лиц, например: На неё глядят как на диву, от него же сторонятся, как от пигмея, покрытого лягушечьею слизью; а между тем эта европейская дива связана с этим *лягушонком* *завиднейшей*, *благороднейшей* связью (А. П. Чехов).

Такое употребление может быть объяснено, в частности, устойчивым мужским родом для обозначения детёныша и отсутствием в данном случае специального имени для лица мужского пола.

Широко распространено использование образований со значением невзрослости от имён мифических существ (*бесёнок*, *дьяволёнок*, *чертёнок*) в переносном значении применительно к лицу, независимо от пола (иногда и от возраста), например:

Она настоящий *бесёнок* (РР).

Продуктивность СК «невзрослость» ограничена экстралингвистически: число наименований лиц и животных, от которых могут быть образованы ПС со значением невзрослости, пополняется незначительно.

Однако функциональная продуктивность данной СК подтверждается именами собственными, и образованиями от имён собственных, и использованием данных производных в переносном значении, например:

Мельник *Болтунёнок* соскочил вниз, осмотрел и ощупал шестерни (С. Т. Аксаков);

Это было главным для него, а потом уже Гегель и *«гегелята»* (как он говорил), гегелизм, ценимый им, но имеющий в его глазах всё-таки косвенное отношение к «русскому началу» (М. Лобанов);

Из сухопутных крыс они превращаются в морских волков и *волчат* (ТВ).

Личные существительные, семантическая структура которых включает сопутствующую или потенциальную сему «количество», в тексте часто употребляются со словами-актуализаторами этой семы, например:

Большой руки *подлец*! Сейчас же донесёт, ежели что ... (А. П. Чехов);

А для своих-то современников он был большой *подлец* (М. Зощенко);

Вот это какой был коварный *подлец*! Впрочем, мамаша его была не менее *подловата* (М. Зощенко);

По словам Сергея Тимофеевича, оба они с Михаилом Николаевичем были «большие и горячие» *крикуны*, и говорили, кричали в пору первого знакомства ... больше всего в театре (М. Лобанов);

Такой *паршивец*, что слов нет! (РР).

Употребление же лексем, «ослабляющих» сему усилительности, можно считать намеренным авторским приёмом, например:

Она была интересная и даже отчасти *красавица* (М. Зощенко).

Сам факт образования и использования узуального имени лица иногда служит подчёркиванию количественной семы.

На наш взгляд, именно так противопоставлено ПС *курец* узуальному *курильщик* в следующем микротексте: Мужик ввалился ... насквозь прокуранный; Коляня, и сам *курец* с детства, увидел впервые в жизни лысину, отливающую табачной желтизной: там проступил никотин (В. Маканин).

Разумеется, это не исключает актуализации семы «количество» в лексеме *курильщик* (заядлый *курильщик*, опасный *курильщик* и т. д.).

Абстрактные существительные с сопутствующей или потенциальной количественной семой также иногда употребляются с различными актуализаторами данной семы в пределах микротекста, например:

Стыд — категория духовная ... Встаёт вопрос: а при Брежнев, выходит, не было стыдно?... Это же вообще был позор, не просто стыд, а *стыдоба*! (периодика).

В приведённом примере количественно-усилительная специфика семантики ПС *стыдоба* подчёркивается и сопоставлением с производящим стыд, и употреблением синонима позор, и сочетанием частицы просто с отрицанием не.

Такую же градуальную оппозицию составляют пары жара — *жарынь*, тепло — *теплынь*, скука — *скукота*, смех — *смехота*, срам — *срамота*.

Отадъективные абстрактные имена существительные типа *ехидца*, *хитреца*, *хитринка*, *чудинка* и под., употребляемые обычно в разговорной речи и в художественной литературе, могут служить базой для производных следующей степени усилительности, например:

Артамонова увидела, что он простой мужик с хохлацкой *хитроваткой* в глубине глаз (В. Токарева).

На наш взгляд, сам факт образования окказионального *хитроватка* наряду с узуальными *хитреца*, *хитринка* объясняется необходимостью более тонкой градации количества признака в имени существительном.

Таким образом, выстраивается градуальная оппозиция, подобная оппозиции в СК «субъективная оценка».

Наряду с внутренним, морфемным контекстом взаимодействия СК, исключительно важен внешний контекст, позволяющий взаимодействовать лексическим, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим средствам выражения количества.

Аффиксальное оформление, формальное «подтверждение» лексико-грамматических разрядов способствует большей системности организации не только морфологии, но и лексики.

В СК с сопутствующим значением «количество» лишь часть производных наделена этим семантическим признаком, поэтому предварительно даются сведения по общей организации этих категорий.

Значение существительных, входящих в СК «носитель признака», в словообразовательном отношении формулируется следующим образом: «предмет (одушевлённый или неодушевлённый), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980, I: 166].

Данная СК объединяет целый ряд суффиксальных отадъективных типов, реализация которых представлена следующими примерами:

виновник, ежегодник, западник, озорник, торфяник, утренник, старик, черновик;

бельёвщик, крановщик, часовщик, самоходчик;

гордец, мертвец, наглец, остроумец, подлец, саженец, сеянец, холодец, храбрец;

аккуратист, архаист, баталист;

беляк, добряк, здоровяк, кругляк, наивняк, первак, простак, слабак, чужак, смельчак;

богач, лихач, ловкач, строгач;

буланка, вишнёвка, голландка, одиночка, синехвостка;

дурнушка, простушка, резвушка;

учредилка, зажигалка;

диговина, лепнина, луговина;

крапивница, листовница, пьяница, умница;

зеленуха, лысуха, старуха, толстуха;

дикуша, долгуша, дорогуша, милуша;

бедняга, здоровяга, миляга;

грязнуля, чистюля;

глупыш, голыш, малыш, найдёныш; коротышка;

великан, грубиян и др.

По набору дифференциальных признаков СК «носитель признака» может быть охарактеризована следующим образом:

1. По отношению к частеречной характеристике ПС — это СК, отождествляющая ряды производных одной части речи.

2. По отношению к частеречной характеристике производящих — это СК, объединяющая ряды производных с общностью типового СЗ.

3. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных — это СК транспозиционного характера.

4. По характеру семантического соотношения между производящими и производными — это СК мутационного типа, так как в производном наблюдается семантическое переключение типа «признак» — «предмет (лицо, животное, неодушевлённый предмет) — носитель признака». Значительная часть производных данной СК — идиоматичные производные, причём отнесённость к лицу, животному, предмету внутри одного СТ никак не предопределена (ср. *зеленуха, лысуха, молодуха, синюха, толстуха*).

5. Данную СК можно рассматривать как основанную на эквиполентной оппозиции с равноправными лексическими характеристиками производящих и производных.

Для данной СК характерен чрезвычайно широкий денотативный разброс семантических подклассов существительных (наименования лиц по физическим, психическим качествам, склонностям, роду занятий, особенностям поведения, различные характеристики животных, растений, собственно предметов), однако ядерной частью

реализации данной СК в лексическом отношении, задающим типы мотиваций всей СК, следует считать личные существительные.

В «Русской грамматике», с нашей точки зрения, данная СК рассматривается чрезмерно широко, так как к ней относятся абстрактные существительные типа *алогизм, архаизм, вульгаризм* и под.,

производные, явно принадлежащие к СК «вещественность» (*белковина, воловина, дичина, древесина, пушнина, солонина*), к СК «собирательность» (*лепнина, писанина, рванина*).

Причиной этого, возможно, является некоторая двойственность описания: словообразовательная категория как классификационная единица не может не использоваться в рубриках суффиксального словообразования, но ориентация на формант как единицу классификации способна внести некоторые противоречия в описание.

На примере данной СК можно выявить определённые закономерности появления сопутствующей семы «количество» в семантике производных: наряду с производными, семантика которых только «констатирует» СЗ «носитель признака» (*виновник, садовник, часовщик, крановщик, холодец, сеянец, саженец, буланка, крапивница, найдёныш, голландка* и под.), выделяются производные слова, в которых возможна или осуществляется в употреблении количественная градация признака (*старик, озорник, западник, гордец, подлец, наглец, храбрец, остроумец, аккуратист, смельчак, богач, слабак, простак, добряк, резвушка, пьяница, умница, грязнуля, грубиян* и под.).

Это иногда отражается в словарных дефинициях ПС второго ряда:

«ГОРДЕЦ ... Заносчивый, чрезмерно гордый человек»;

«КРАСАВЕЦ ... 1. Красивый человек. 2. перен. О чём-нибудь очень красивом. К.-город...».

Гораздо чаще возможность количественной градации подчёркивается в функционировании.

Анализ производящих прилагательных для ПС данной категории показывает, что возможность создания имён существительных характеризующего типа значения возникает при мотивации качественными прилагательными или относительными прилагательными в качественном значении.

Количественную градацию признака, заключённого в семантике имени существительного, можно рассматривать как проекцию степеней сравнения на семантику имени существительного.

СК «отвлечённый непроцессуальный признак» реализуется словообразовательными типами с суффиксами

-ость / -есть (*бледность, мягкость, смелость, терпеливость; досужесть, похожесть, пригожесть, свежесть*),

-ств(о) / -еств(о) (*богатство, злорадство, коварство, любопытство; изящество, ничтожество*),

-от- (*доброта, глухота, красота, чистота*),

-изн- (*белизна, желтизна, голубизна, дороговизна, кривизна*) и некоторые другие.

СК «отвлечённый непроцессуальный признак» по принятым параметрам классификации может быть охарактеризована таким образом:

1. По отношению к частеречной характеристике ПС — это СК, отождествляющая ряды производных одной части речи.
2. По отношению к частеречной характеристике производящих — это СК, объединяющая ряды производных с общностью типового СЗ.
3. По соотношению частеречных характеристик производящих и производных — это СК транспонирующего характера.
4. По характеру семантического соотношения между производными и производящими — это СК с трансформационным типом преобразования.
5. По типу оппозиции производящих и производных — это СК, основанная на эквиолентной оппозиции.

В данной СК выделяются словообразовательные типы, отличающиеся в семантическом отношении сопутствующим количественным признаком. Это СТ с

суфф. -инк(а) (*горчинка, задоринка, кислинка, красноватинка, лукавинка, настыринка, слабинка, хитринка, чудинка*) и
суфф. -ц(а) (*глупца, гнильца, ехидца, прохладца, сырца*).

Семантика приведённых и подобных существительных в «Русской грамматике» описывается следующим образом: «... тот же признак, что и мотивирующее слово, но проявляющийся в слабой степени»; «небольшая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным» [Русская грамматика 1980, I: 182].

В «Русской грамматике» отмечается разговорный характер большинства подобных образований, их продуктивность в разговорной и художественной речи.

Наличие семы «количество» как сопутствующей обнаруживается также в ПС с суффиксом -ынь (*жарынь, светлынь, теплынь, щедрынь*), объединяемых в непродуктивный тип.

СК «отвлечённый процессуальный признак», являющаяся продуктивной, представленная рядом отглагольных типов, имеет тот же набор классификационных признаков, что и СК «носитель непроцессуального признака».

Отличие состоит в типе межчастеречного взаимодействия:

прилагательное — существительное, глагол — существительное.

Примеры производных данной СК: *бодрствование, держание, завоевание, курение, проигрывание, сплочение, раздутие, зазнайство, притворство, дремота, ломота, суетня, грабёж, отход* и многие другие.

В плане изучаемого явления в данной СК выделяется суффиксальный тип на -ок (*кивок, бросок, глоток, гребок, клевок, пинок, скачок, толчок, шлепок* и др.), проявляющий продуктивность в разговорной речи.

«Существительные с суфф. -ок ... называют отдельный акт действия, названного мотивирующим словом» [Русская грамматика

1980, I, 163]. Это своеобразное значение единичности, «квантовости», передаваемое словообразовательными средствами, и составляет сопутствующий семантический признак отглагольных существительных на *-ок*.

В соответствии с категориально-грамматической семантикой глагола проявление семантической категории «количество» принимает здесь совершенно иной характер по сравнению с отадективными и отсубстантивными производными, так как значения одно- и многоактности действия являются важными составляющими семантики вида и способов глагольного действия.

Таким образом, разные категориальные классы мотивирующих дают разные типы проекций значения «количество».

Существительные с суффиксом *-н'(а) / -отн'(а) / -овн'(а)* отличаются от других отглагольных абстрактных существительных «дополнительным оттенком интенсивности действия» [Русская грамматика 1980, I, 163], как и существительные с суфф. *-ёж* (например, *беготня, болтовня, долбня, резня, ругня, суетня, хлопотня; галдёж, грабёж, кутёж, скулёж*).

Действительно, противопоставление пар *суета — суетня, хлопоты — хлопотня, скуление — скулёж* и под. позволяет выявить сему интенсивности во втором ряду производных слов.

Однако не все производные данных СТ характеризуются этой семой: она, на наш взгляд, отсутствует в ПС *стряпня*.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что большинство производящих глаголов для данных ПС содержат в своей семантике сему интенсивности (например, *болтать, галдеть, кутить, суетиться, толкаться, трещать, хлопотать, хохотать*).

В ряде случаев данные суффиксы являются

— единственным или обычным средством оформления абстрактного существительного (например, в ПС *грабёж, кутёж, болтовня*) либо

— средством дифференциации лексических значений производных (ср. *резание, резка — резня; падение, падание — падёж*).

Существительные *pluralia tantum* с суфф. *-ин(ы)* (*крестины, родины, розговины, проводины, помины, смотрины*) и с суфф. *-к(и) / -лк(и) / -шк(и) / -ушк(и)* (*враки, жмурки, заморозки, нападки, поминки, прятки, догонялки, пятнашки, потягушки*) представляют собой синтетическое выражение идеи количества грамматическими и словообразовательными средствами.

Эти имена существительные обозначают сложные, многоактные действия, чем объясняется оформление их исходной формы во множественном числе.

Однако они не просто оформлены как *pluralia tantum* грамматически, но и аффиксальными словообразующими формантами.

Разные типы выражения количества наблюдаются в изолированных ПС (например: *аплодисменты, рассказы*).

Личные имена существительные с суффиксом -ун (*ворчун, врун, крикун, лгун, молчун, хохотун, шаркун*), составляющие часть СК «носитель процессуального признака», хотя в толковых словарях нередко семантизируются с подчёркиванием количественной семы, например, в «Словаре русского языка» АН в IV томах:

«БОЛТУН — тот, кто много болтает, пустослов»;

«ВОРЧУН — тот, кто постоянно ворчит»;

«КРИКУН — 1. Тот, кто много кричит, крикливый человек, а также отчаянный спорщик».

В «Русской грамматике» особенность семантики таких имён существительных интерпретируется через наличие оттенка (необязательного) «склонный к действию» (названному производящей основой).

Однако, как и в предыдущем подтипе, значение интенсивности, постоянства действия связано скорее с семантикой производящего глагола, включающего сему интенсивности или постоянного действия (ср. «профессиональные» наименования лица: *бегун, опекун, прыгун*).

Заключение

Таким образом, ПС с сопутствующим значением «количество» распадаются на два подтипа: СК незрелости со стандартным соотношением семантики производящих и производных по отношению к количественной семе и все остальные ПС, для которых сема «количество» является необязательной и часто бывает не компонентом значения словообразовательного типа, а «наследством» семантики производящих.

Использованная литература

- Апресян Ю.Д. Супплетивное словообразование в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской научной конференции (12–15 сентября 1972 г.). — Самарканд, 1972. — С. 29–36.
- Белова Т.В. Прилагательные в языке и речи (деривация прилагательных в народной речи как результат структурно-семантических отношений слов): Дисс. ... канд. филол. наук. — Псков, 2005. — 200 с.
- Белякова Г.В. Словообразовательная категория как дериватологическая проблема (на материале словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та А.И. Герцена. — 2008. — № 59. — С. 70–76.
- Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2008. — 35 с.
- Борисова Т.Г. Словообразовательная категория суффиксальных вещественных имён существительных с мутационным

- словообразовательным значением в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2000. — 21 с.
- Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. — М.: Либроком, 2012. — 192 с.
- Громакова О.Н. Словообразовательная категория суффиксальных отглагольных абстрактных имён существительных со значением «состояние человека» в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2008. — 23 с.
- Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. — Сер. лит. и яз. — 2006. — Т. 66. — № 2. — С. 3–13.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: URSS: Либроком, 2009. — 208 с.
- Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: URSS: ЛКИ, 2010. — 120 с.
- Кудрявцева И.Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имен существительных: Дисс. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2008. — 255 с.
- Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур: на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление/ приобретение признака»: Дисс. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2004. — 234 с.
- Манучарян Р.С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / отв. ред. Г.П. Нешименко. — М.: Наука, 1987. — 271 с. — С. 53–58.
- Митев Д. Особенности словообразования в аспекте языковой номинации // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. — Шумен, 2002. — URL: www.russian.slavica.org/article139.html, свободный.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. — Изд. 16-е, испр. — М.: Русский язык, 1984.
- Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 154 с.
- Русская грамматика. В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
- Словарь русского языка: в 4-х т. / Гл. ред. А.П.Евгеньева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.
- Толстова Н.А. Словообразовательная категория названий орудий труда в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2006. — 188 с.
- Трубицина И.А. Словообразовательная категория имён существительных со значением единичности в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2006. — 224 с.
- Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М.: ЛКИ, 2008. — 232 с.
- Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. Teorie odvozovani slov, I. — Praha: Academia, 1962. — 263 s.

References

- Apresyan, Yu. D. (1972). *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* (Current problems of Russian word formation), Proceedings of the Republican Scientific Conference (September 12-15, 1972). Samarkand, pp. 29-36.
- Belova, T. V. (2005). *Prilagatel'nye v yazyke i rechi (derivatsiya prilagatel'nykh v narodnoi rechi kak rezul'tat strukturno-semanticheskikh otnoshenii slov)* (Adjectives in language and speech (derivation of adjectives in folk speech as a result of structural-semantic relations of words)), candidate's thesis. Pskov.
- Belyakova, G. V. (2008). *Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*, 59, 70-76.
- Belyakova, G. V. (2008). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksals'nykh lokativnykh sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom yazyke* (Word-formation category of suffixal locative nouns in modern Russian), extended abstract of Doctor's thesis, Volgograd.
- Borisova, T. G. (2000). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksals'nykh veshchestvennykh imen sushchestvitel'nykh s mutatsionnym slovoobrazovatel'nyim znacheniem v sovremennom russkom yazyke* (Vocabulary category of suffixed significant words with mutative vocabulary meaning in modern Russian), extended abstract of candidate's thesis, Stavropol'.
- Dokulil, M. (1962). *Tvoreni slov v cestine. Teorie odvozovani slov* (Word formation in Czech. Theory of word derivation), I. Praha: Academia.
- Gromakova, O. N. (2008). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksals'nykh otglagol'nykh abstraktnykh imen sushchestvitel'nykh so znacheniem "sostoyanie cheloveka" v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Word-formation category of suffixal verbal abstract nouns with the meaning "human condition" in the modern Russian literary language), Extended abstract of candidate's thesis. Stavropol'.
- Kubryakova, E. S. (2006). *Izvestiya rossiiskoi Akademii nauk. Series of Literature and Languages*, 66 (2), 3-13.
- Kubryakova, E. S. (2010). *Chasti rechi v onomasiologicheskoy osveshchenii* (Parts of speech in onomasiological coverage). Moscow: URSS: LKI.
- Kubryakova, E.S. (2009). *Tipy yazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova* (Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word). Moscow, URSS: Librokom.
- Kudryavtseva, I. G. (2008). *Modal'nost' kak slovoobrazovatel'naya kategoriya v sisteme prefiksals'nykh imen sushchestvitel'nykh* (Modality as a word-formation category in the system of prefixed nouns), candidate's thesis. Vologda.
- Kuznetsova, T. V. (2004). *Leksiko-semanticheskii potentsial slovoobrazovatel'nykh struktur: na materiale modeli semantiko-slovoobrazovatel'noi kategorii "stanovlenie/priobretenie priznaka"* (Lexical and semantic potential of word-formation structures: Based on models of the semantic-word-formation category "formation/acquisition of

- a feature"), candidate's thesis, Saratov. Manucharyan, R. S. (1987). *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* (Aspects and issues of comparative-typological study of word formation), ed. G.P. Neshchimenko. Moscow: Nauka, pp. 53-58.
- Mitev, D. (2002). *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov* (Problems of cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages. Shumen, available at: www.russian.slavica.org/article139.html.svobodnyi
- Ozhegov, S. I. (1984). *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language). Moscow: Russkii yazyk.
- Revzina, O. G. (1969). *Struktura slovoobrazovatel'nykh polei v slavyanskikh yazykakh* (The structure of word-formation fields in the Slavic languages). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Russkaya grammatika* (Russian grammar), in 2 vol. (1980). Moscow: Nauka, vol. 1.
- Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language), in 4 volumes. (1981-1984). Moscow: Russkii yazyk,
- Tolstova, N.A. (2006). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya nazvanii orudii truda v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Word-formation category of names of tools in the modern Russian literary language), candidate's thesis. Stavropol'.
- Trubitsina, I. A. (2006). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya imen sushchestvitel'nykh so znacheniem edinichnosti v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Word-formation category of nouns with the meaning of singularity in the modern Russian literary language), candidate's thesis. Stavropol', 2006.
- Ulukhanov, I. S. (2008). *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* (Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation). Moscow: LKI.
- Vasil'ev, L. M. (2012). *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* (Modern linguistic semantics). Moscow: Librokom.